

Сестра милосердия -это звучит гордо

Сестра милосердия. Мне очень нравится это звание, хотя в войну я была санинструктором, а солдаты нас звали сестричками.

Я была маленькой и худенькой, а раненого нужно было не только перевязать, но и перетащить в безопасное место, да еще и с оружием. Сейчас сама удивляюсь: как? Весила всего-то 38 кг. Вечно казалось, что всем мешаю. Старалась не быть обузой для бойцов, хваталась за все, помогала, чем могла.

Мария РОХЛИНА

Санинструктор санитарного взвода 290-го гвардейского Вишленского стрелкового полка 95-й гвардейской Полтавской стрелковой дивизии 5-й гвардейской общевойсковой армии

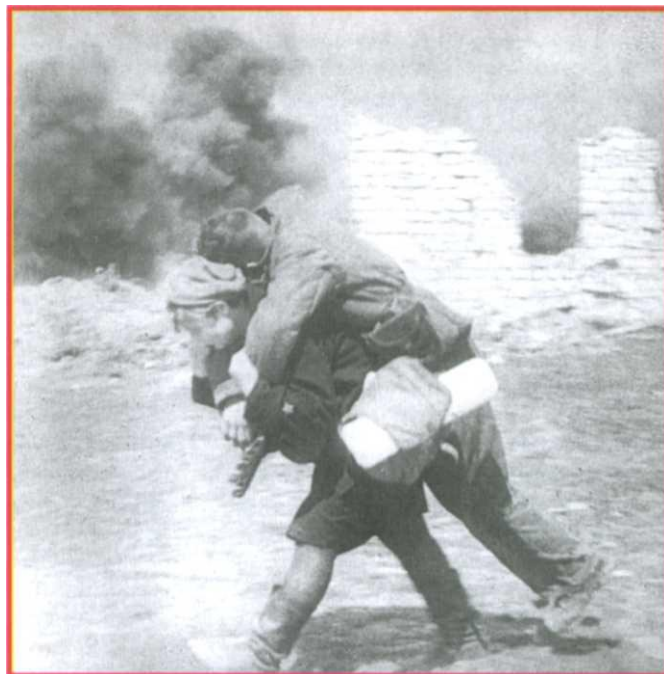
В СТАЛИНГРАДЕ для меня война началась 23 августа в той невообразимой бомбежке, перед которой ты совсем беззащитен. В ожидании боя внутри все и правда дрожит от страха. И сейчас, через столько лет, страшно. А сам бой - это работа, и когда кричит раненый, о страхе забываешь, потому что видишь его страдания и что ему надо помочь, перевязать, утащить куда-нибудь в укрытие, чтобы повторно не ранило, успокоить, утешить.

Как-то серьезно ранило заместителя командира батальона. Командир полка собрал санинструкторов и говорит, что надо срочно доставить раненого в госпиталь, а для этого нужно переправиться через Волгу. Река тогда еще полностью не замерзла, но катера уже не ходили, добираться до другого берега надо по льдинам. Кто пойдет? Все стоят, молчат. В итоге добровольцами вызвались только я и еще одна девушка. Уложили капитана на связанные лыжи - и в путь. До середины реки шли по замерзшему льду, а потом пришлось перебираться с льдины на льдину. Шли долго - целый день. Мы и плакали, и проклинали себя, что вызвались, и ругали командиров, что не дали нам в помощь хотя бы одного солдатика. Кажется, шли вечность. И вдруг уже в сумерках слышим крики, видим: берег рядом и на нем столпились люди -оказывается, мы первые тогда перешли Волгу. Доставили раненого в госпиталь и свалились замертво у печки в какой-то избе. Обратный путь был еще тяжелее. Несколько раз срывались в воду. А в части нас не ждали, думали: даже если мы и добрались до другого берега, обратно в сталинградский кошмар не вернемся. Командир даже растрогался, когда нас увидел. Выслушал доклад, а потом достал из сейфа медали "За боевые заслуги" и вручил нам. Вот та медаль 42-го года - самая дорогая. Через 60 лет одна из сестер госпиталя, куда мы сдали своего больного, узнала меня по

фото 42-го года в газете "Москвичка". Ярцева-Мордвинцева Валентина Алексеевна - мы встретились как родные.

Я знаю как больно раненым не понаслышке, ведь сама была ранена трижды, но ранения были легкими, и помощь себе оказывала сама. Мужчины гораздо сложнее

переносят боль, и каждому нужно найти слова утешения, успокоить его. Говоришь - милый, родной потерпи немного, сейчас перевяжу, отправлю в медсанбат, а там прооперируют, и вернешься к нам, мы тебя ждать будем. Кто просил прощения, кто ругался, а молодые ребята просили поцеловать, ведь кроме мамы их никто еще не целовал. И целовала. После войны на встречах вспоминали об этом. Мне нужно было раненого успокоить, подбодрить. Особенно беспокойным я вообще обещала какую-то абракадабру - "жареную луну достать с неба", ты только выздоравливай, пожалуйста, держись. И знаете, десятки бывших раненых после войны находили меня по этой несурразице, а тогда цеплялись за жизнь, за мои обещания, а я сама нуждалась в утешении. Многие раненые за помощью кроме своего санвзвода никуда больше не обращались, ведь медсанбаты и особенно госпитали после выписки давали направления в другие части, а все стремились вернуться к своим - мы были, как семья, нас сроднила экстремальная обстановка.

Зимы были жестоко холодными, и у нас постоянно были обморожены руки, ведь в рукавицах делать перевязку невозможно - сколько же рукавиц я потеряла за войну!? Особенно в Сталинграде! Представьте себе всю зиму на морозе. Пехота обживала подвалы, рыли землянки и там обогревались печурками. А в полуразрушенном цеху тракторного завода подвала нет, и землянку там не выроешь. Искали хоть какое-то углубление и под полунакрытыми плащ-палатками жгли ветошь, а она не горит, а тлеет, дымит, чадит. Теснее прижимались друг к другу - теплее. Вот так я и замерзла насмерть. Похоронная команда случайно обнаружила, что еще жива, когда собирали с убитых теплые вещи. Долго лечилась в госпитале, отказали почки, комиссовали из армии, а мне нет 18 лет - и уже инвалид 1 -й группы. Не взяла никаких документов и ушла в сторону фронта, тогда войска уже двигались в направлении Курска. Так я попала в 95-ю гвардейскую Полтавскую стрелковую дивизию, в 290-й гв. Висленский стрелковый полк, 2-й стрелковый батальон, санвзвод. 10 июля 1943 года мы были недалеко от Прохоровки. Заняли кем-то брошенные окопы на высоте 226,6. Санвзводы находились в хуторах Веселый, Сторожевой, по балкам, посадкам. Вид после

госпиталя у меня был нездоровый, и мне дали повозку с лошастью вывозить раненых из укрытий в санроты и медсанбат. А утром следующего дня начался ад, высота 226,6 ежечасно переходила из рук в руки. Освобождали южную часть, немцы занимали северную, потом наоборот, раненых, убитых было очень много. Мне помогала Дуся Мешкова, санинструктор 2-го батальона. Девушка мужественная, бывалая. Когда в Сталинграде погиб командир роты, она подняла роту в атаку и отбивала все попытки врага захватить занимаемый рубеж. В дивизии она первой получила орден Отечественной войны 1-й степени. Оглушенная всем происходящим я сдала в медсанбат раненых. Ко мне подошла медсестра Нина Давыдова и что-то говорит, а я не слышу ее и не понимаю, чего же она от меня хочет. Тогда она подвела меня к бочке с водой и окунула несколько раз с головой, вытерла своей косынкой, и только тогда я немного пришла в себя. Дружили мы с ней всю жизнь до самой ее смерти. Всю Прохоровскую битву я возила раненых на повозке и свалилась сама.

В полк я вернулась только под Полтавой, где отметила свое 18-летие и меня приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. Мы переправились через Днепр, на уже занятый плацдарм, и я снова вызвалась переправить в медсанбат через Днепр тяжелораненного старшину. Уложили его на плот (связанные бревна), мне дали доску вместо весла, оттолкнули от берега и мы поплыли. Днепр - река бурная. Нас понесло течением, я гребла доской, недалеко от берега "весло" сломалось, нас закрутило и стало относить от берега. Стала грести руками, вода холодная, руки быстро онемели, в полуобморочном состоянии добралась до берега, где нас подхватили наши солдаты. После Кировограда я снова лежала в медсанбате и догнала свой полк только у Днестра. В одном из боев в обе ноги был ранен замкомбата по строевой, кажется Нафиков, его нужно было переправить через Днестр в медсанбат, расположенный в Ташлыке. А немецкая передовая размещалась на самой вершине, и все наши передвижения были как на ладони. Передвигались мы только оврагами. Посадили Нафикова на лошадь без седла и я повела лошадь в поводу. В одном месте надо было идти по открытой местности через небольшой бугорок. И только мы взошли, на нас посыпались мины.

Лошадь вырвалась и помчалась в сторону немцев. Я бежала за ней, кричала, но лошадь неслась, немцы стреляли. Лошадь добежала до боевого охранения, там ее остановили наши разведчики. Забрала я лошадь с раненым и снова повела ее, намотав повод на руку, и вновь она вырвалась, но помчалась уже в сторону переправы, где я и сдала раненого в медсанбат. Сердце было готово вырваться из груди. Полы моей шинели были как решето, а меня даже не царапнуло.

Прошло 30 лет, собрались мы в Полтаве в Доме культуры алмазообрабатывающего завода. Поднимается один из ветеранов, разведчик Федор Ефимович Тищенко и говорит: "Вот здесь много девчат, а у кого из вас вырвалась лошадь на Днестровском плацдарме и побежала к немцам, а мы ее поймали?".

И вот тут я заревела в голос. С тех пор мы с Федей дружим всю нашу жизнь.

На Днестровском плацдарме впервые появилась самодеятельность. Капитан Митрофанов читал стихи, я пела, а солдат, не помню его фамилии, показывал фокусы. Мы ходили по траншеям и выступали перед солдатами.

Питание было скудное, и вот однажды наш комбат меня и Машу Одинец отправил собирать крапиву, щавель и что попадет витаминное, съестное. Мы набрали в вещмешок крапиву, щавель, а потом забрались в брошенный огород, там рос зеленый лук, мы его весь до листика вырвали, а потом вместе с молдавской женщиной делали пирожки с фасолью и этой витаминной зеленью. Весь батальон накормили. Это была моя первая кулинария!

Во время большого марша из Молдавии на Висленский плацдарм познакомилась со старшим лейтенантом Рохлиным, он стал оказывать мне знаки внимания. Но службу мы проходили в разных подразделениях. 12 января 1945 года началось наше последнее наступление, но мне пришлось с 18 тяжелоранеными остаться в немецком блиндаже на нейтральной полосе. К нам старались подползти и наши, и немцы. Это продолжалось три дня. Когда наши снова пошли в наступление, то первым вошел в блиндаж старший лейтенант Рохлин. Я по локти в крови, грязная, прокопченная, потому что в блиндаже были только сигареты, я прикуривала их и давала раненым вместо лекарства. Еще сгребала лыжной палкой снег, сжимала его в кулаке, выжимала капли на губы раненым вместо воды.

Вот там, в блиндаже, мой муж будущий начал целовать мне руки, признался в любви и предложил выйти за него замуж, написал рапорт на имя командира полка, и 5 февраля 1945 года по полку был приказ считать нас мужем и женой. Я была переведена санинструктором в полковую артиллерию.

Шли мы на Берлин, но повернули на Прагу. 9 мая мы встретили на пути к Праге и еще 10 дней мы воевали с власовцами. Официально брак мы зарегистрировали 23 февраля 1946 года в советском консульстве в Вене, во дворце императора Франца Иосифа.